

ПРОЩАНИЕ С МИФАМИ

Сергей Есенин искал уюта, покоя просила его душа. Но судьба не пошла на уступки поэту: добиваясь внимания Сергея Есенина, женщины, на радостях от достигнутых целей, забывали, не успевая запомнить, давнюю боль Есенина - тоску по светлому образу матери, желание ласковой тишины, уголка верности и вдохновения. Еще я повторяюсь, и еще повторяюсь, читатель, повторение - пересказ, тебе посвященный. Повторение - молю Бога стряхнуть с нас, русских, оцепенение.

Не пошла судьба на уступки. Она выстелила перед ним, развернула грустную стезю, словно подтолкнула юного Сергея Есенина "получить" личные драмы своей матери: правда, в роду, даже в многодетной семье, кто-то обязательно повторит кого-то собою, удачами или невезениями, счастьем или бедою. Сергей Есенин - повторил мать. Горе любви ее повторил. И ты не хуже меня знаешь это, читатель, не хуже меня знаешь и горе ее мужа. Оба - царапнуты коварством.

У матери поэта было четырнадцать детей. В живых осталось четверо. Первый ее сын - до Сергея рожденный. Не от отца Сергея. От любимого ею человека. Зачатый до замужества, первенец этот вскоре умер. За свадьбой родителей Сергея Есенина следом... Обстоятельства его смерти обычны и мало известны. При рождении первенца родственники обеих сторон взметнули бурю. Мать и отец Сергея Есенина обожглись пламенем бури, Татьяна Федоровна вынуждена была уйти из семьи, но вернулась, не поборов мешающих ей обстоятельств, навалившихся на нее за решение - развестись. Графиня, фрейлина - разводись, а крестьянка? Крестьянка - ссугобленная рябина.

Второй раз она ушла из семьи после рождения Сергея. Жизнь личная складывалась у нее несладко, а характер ее не потакал ей падать перед невзгодами: прямая статья и красота не советовали ей унизиться и смириться, покорной року сделаться... Устроилась кормилицей в Рязани, в детприюте. И воскресла - влюбилась. И родила Сашу Разгуляева, братика маленькому Сереже. И снова потребовала развода. Распрямилась.

На одной руке в земском суде мать держала Сережу, а на другой держала Сашу, настаивая на законном разводе. Но развода ей не дали. Устроив на воспитание Сашу подруге, она вернулась в свой дом. Когда подруга увозила крохотного Сашу по зимней лунной дороге, мать настигла в степи знакомые дровни. Кормилицу, подругу, догнала мать братика Сергея, раздетая и босая. Я нарочно повторяю ранее сказанное. Закрепляю за собою читателя, и заново туда уношусь...

В зимней серебристой ночи настигла сани, рванула вожжи, загородила путь и, плача, начала рвать на себе волосы. Кровь потекла по лбу. Залила глаза, щеки, волосы, рот. Мать Сергея Есенина клялась не забыть и не бросить Сашу!.. Она виноватилась перед кормилицей, подругой надежной, одинокой русской женщиной, виноватилась перед луною, умной и пронизательной, виноватилась перед Богом, в снежном тумане витающем, а главное - виноватилась перед собою. Такие клятвенные раскаяния и трагические душеугрызения можно и сегодня найти, встретить у нас на Урале или в Сибири.

Клятва на крови, исполненная поэтом при прощании с друзьями, есть клятва наших предков, а не элементарный прием, проповедуемый в статьях о Сергее Есенине столичной дамой. Смешно: взрезал бритвочкой кожу на боку - и посвятил стихи грузину или русскому, татарину или еврею. Дескать, Эрлиху посвятил, написал их кровью, дескать, часто поэты прибегали к подобному способу свидетельства дружбы и верности. Наивно это. Это - выше лирической традиции. Это - древнее, это - бессмертное. Речь идет о стихотворении "До свиданья, друг мой, до свиданья...".

Отпускать свою русскую волю далеко-далеко от себя, как песню дерзкую, как ветер буйный, как сокола сизого, как свет родимый, посылать ее, волю, возвращать ее, удивляться ей, гордиться ею и радоваться ей - вот что взял у матери Сергей Есенин, совесть ее, крылатую и неодолимую, принял в наследство поэт, красоту и небо синее, ей, русской песне, подаренное жизнью и Богом. Не спешите качать головою, не соглашаясь: та воля и вас хранит!..

Сергея Есенина арестовывали и допрашивали, под протоколы, одиннадцать раз. И побег его в больницу - побег ради того, чтобы опомниться, успокоиться и обдумать дальнейшее. Есенин не был ни алкоголиком, ни белогорячником, ни больным. Есенин был абсолютно здоровым человеком, высокоорганизованным и сильным, поэтом своего народа, берегающим себя во имя великой, осмысленной миссии, призвания огненного:

Сестра! Сестра!

Друзей так в жизни мало!

Как и на всех,

На мне лежит печать...

Из больницы Сергей Есенин бежал в Ленинград и погиб там 28 декабря 1925 года. Усталый, разгневанный и до тоски разочарованный судьбою, Сергей Есенин перед побегом зашел к первой своей жене, Анне Изрядновой. Сжег тайные рукописи. попрощался с Юрой, сыном Георгием, попрощался и с женою. Чуть покаялся. Вздохнул.

Словно Изряднова-то и была у него единственной настоящей женою: ведь Дункан плясала, Райх распивала из совместной чарки новое семейное счастье с Мейерхольдом, Бениславская творила свободную биографию женщины. Вольпин собиралась родить, Толстая затягивала над ним поводья. Исключая Анну Изряднову, все эти женщины, не получившиеся жены поэта - Зинаида Райх, Айседора Дункан, Галина Бениславская, Надежда Вольпин, Софья Толстая, - все - талантливы, Вольпин даже прилежно учила Есенина ассоциативной рифме и честно удивлялась, что Есенин не учитывает ее колоссальный опыт.

Зинаида Райх грозила лишить Есенина отцовства, по праву требовала денег на двух детей, а Надежда Вольпин объявила Есенину об ожидаемом ею от него ребенке.

Галина Бениславская тосковала о Сергее Есенине, заедая тоску поцелуями свежего мужчины. А Софья Толстая исповедовалась в письме в Ленинград Марии Шкапской, как она на собственных дворянских коленях поменяла голову Бориса Пильняка на голову Сергея Есенина. Дункан затеяла воспоминания о поэте. И лишь Изряднова молчала. Любила Есенина и знала - кто он... Те же - петля - я, прости меня, читатель мудрый.

В Сергее Есенине, напоминаю, кричало желание найти уют, семью, тихий уголок света женской души. И он, упрямый и верный, искал этот уголок, оставляя окололитературных дам, вырываясь из их деревянных ладоней, пахнущих вечно холодными котлетами и синими покойничьими чернилами. Какой молодец, ничто его не останавливало! И напроць от Софьи Толстой успел уйти. Все его уходы от всех женщин - один уход от одной женщины. Лишь от Изрядновой Анны он, поэт, не ушел - прощаться пришел пред смертью.

Конечно, грешно нам вести речь, осуждая женщин, выбранных великим поэтом, потому мы их и не осуждаем, а подтверждаем - какой молодец Сергей Есенин, так и не примирился с их погребальным сине-чернильным бескровным воображением и бытом: искал устойчивой нравственности и материнского взгляда на себя, на мир, на уголок света, потерянный ими в изменах, обменах и небескорыстных прилипаниях к нему. Напомаженные присоски.

Перед смертью дом Есениных в Константинове сгорел. Сестрам нужны деньги. Родителям деньги нужны. Женам - деньги. Господи, и над самим Сергеем Есениным суд надвигается: антисемит, хулиган, забулдыга и к советской действительности весьма неровно относится. Михаил Иванович Калинин при встрече с поэтом пообещал ему квартиру, а Каменев отказал.

Вот и рассказывал Рюрик Ивнев: "Сережа уезжал в Ленинград в тяжелом состоянии, мрачный, драчливо издерганный. Быстро у Толстой собрал вещи, быстро вышел, а сестра Шура с балкона кричит: "Прощай, брат!.. Брат, прощай!.."

* * *

Сегодня пишут: “Американская разведка подслала Айседору Дункан обворожить и увезти Есенина, гениального поэта, из России. Странно. Сейчас многие поэты добровольно, без обвораживания красавиц, бегут: Гангнус-Евтушенко, Коротич, Бродский, Губерман... Бегут за границу? И тогда бежали. Но почему же Есенина команда дана увезти? Да и являлся ли он в то время фигурой для “увезти”? И разве у старинного американского ЦРУ имелись лишь сорокалетние пьяные красавицы, а помоложе приобрести красавиц для ЦРУ не хватило у США капитала? В России же - выдры. Кого увезут?

Далее пишут: “Бениславская служила у Ягоды, и у Троцкого она была, можно сказать, “прикомандирована” к поэту, как были “прикомандированы” и некоторые друзья Есенина, например - Эрлих”.

Но эти размышления смешны. Американская разведка не давала поручения Дункан увезти Есенина. Галина Бениславская и Эрлих не “служили” по заданиям ЧК вокруг Есенина. Фотография же Эрлиха в форме офицера ЧК - не в форме офицера ЧК, а в обычной военной мешанине. И форма - не доказательство.

Устинов, литератор, из секретариата Льва Троцкого, муж Устиновой, вечером 27 декабря чаевничавший у Есенина в номере “Англетера”, утром 28 декабря в том же номере гостиницы осматривал труп Есенина.

Из петли Сергея Есенина снимал врач Казимир Маркович Дубровский, заметивший беспорядочно раскиданные вещи в номере “Англетера”, но замкнувшийся... Отсидев двадцать лет по клевете, он, как недавно сообщила его дочь в письме Эдуарду Хлысталову, печально говорил: “Я сидел не за то, что я знаю о смерти Есенина, сидел я за другое, но сидеть еще и за смерть Есенина я не хочу!..” То есть предположения своего о насильственной смерти поэта Казимир Дубровский страшился: время его пугало, как пугало оно наших дедов и отцов.

Фотограф Нопельбаум и его юный сын помогали Дубровскому снимать поэта из петли. Сын Нопельбаума оставил точные описания впечатлений, оставил подробный образ мертвого поэта. Но, видно, когда читаешь, мозг его не “сверлила” мысль о насильственной смерти Есенина, хотя описания очень реальны и детализированы.

После, в компании, через время, Устинов вольно поведал о смерти Есенина и вскоре был сам найден мертвым.

Погибла Дункан. Погибла Бениславская. Погибла Райх. Погиб Мейерхольд. Дункан, есть якобы публикации за рубежом, раздобыла санкцию коммунистического правительства на умыкание тела Сергея Есенина из России и успешно осуществила скрытный порыв.

Настаивать на том, что провокатор Блюмкин крутился, жался, вился и реял около Есенина с умыслом подсадить его, рано или поздно подтолкнуть поближе к смерти - вялый исследовательский подвиг. И у провокаторов случаются привязанности к иному человеку, тем более - Есенин, не ординарный человек, а великий, и кто-кто, а провокатор Блюмкин учуял бы сей предмет...

Я не ограждаю, не защищаю, не отмываю Блюмкина. Но моя основная идея: Есенин не хуже нас разбирался в людях, действующих около него или же с ним рядом - тем паче. Могли или не могли "интернационалисты", ненавистники русского народа, уничтожители русского крестьянства, "планировать" в Есенине "опасную осечку" для себя? Могли. Но им, занявшим по-мышинному Кремль, русскую святыню, не за чем было снаряжать десятки убийц, комплектовать вагон и гнать из Москвы в Ленинград на гостиницу "Англетер" порешать Есенина.

Да еще и врача Гиляровского направлять в гостиницу вместе с палачами. В Ленинграде нашелся бы врач, раскромсал бы морговое тело поэта? "А, - возражают, - Гиляровский тело Фрунзе резал, имеет навык упаковывать преступление в "нормальные" акты!.." Нет, друзья мои, известного негодяя среди негодяев стараются на громких кровавых скандалах использовать реже или же тише, а здесь? Есенин. Здесь - трагичнее Фрунзе, глобальнее Фрунзе: командармы и маршалы умирают, а гениальные поэты поднимаются к родному народу... И не упрекнет ли нас покойный Гиляровский?

Если Гиляровского "прикомандировали к палаческому вагону" - показали глупость и чекисты, и троцкисты, и бред-интернационалисты. Кроме "Англетера", убрать поэта с пути имелось много мест: Америка, Франция, Германия, Грузия. Узбекистан, Персия - ой, сколько троп, где оборвалась доля и судьба бессмертных! Сколько душегубок в Бутырках, Лубянках, Лефортовых, Соловках, Турухансках, Магаданах, Певеках? Акулья

пасть душегубок острожной проволокой не замотана.

Кто из “профессиональных” палачей застеснялся, устыдился, испугался молвы, огласки, кто? Щелкали затворы и курки до Есенина и при Есенине, щелкали они и после Есенина. Так? Щелкали они перед вагоном, в вагоне и за вагоном.

Про себя, не нажимая на “открытие”, я размышляю: “Великие поэты наивными в крупных вопросах не были. Есенин, ощущая над собой “кровавый ком”, предпринимал обратные ходы. Абсолютно сознательно, как от электрического тока, он пытался заизолировать себя от палачей палачами- типа Блюмкина и кое-кого еще”... Подобные “ходы” я заметил, читая “Дело” Павла Васильева, младшего после Есенина казненного великого поэта. Заметил, и опять - к Есенину... Почему бы нам не заметить? О, за Христом на распятие - поэты русские! Кто с ними посоперничает в смерти?

Но мы прем напропалую: “Поселили в “Англетере” и утюгом проломили висок, а потом, убитого, подвесили, ритуально “удушили”, как 3 - 4 октября 1993 года бейтаровцы, израильские снайперы, уничтожали свинцовыми пулями с московских крыш безвинных демонстрантов, милиционеров, солдат. Мертвые, сраженные пулями, падали, а живые набрасывались друг на друга, обвиняя и проклиная!..”

Уничтожить одного, даже великого, человека не надо вагонов с палачами, не надо верховных вмешательств. Бейтаровцев, сообщает газета “Завтра”, приезжало из Израиля полтора десятка, но натворили они за тысячи и тысячи мародеров.

Появись на Божий свет среди чужого народа и живя среди него, некоторые “мирные бейтаровцы” охмуряют наших “русских” лидеров, путаются у них под ногами, сюсюкают перед их трибунами, копят чертовыми копытцами у трона - пока не угробят или не дискредитируют любимца. Рухнувший манекен - Брежнев. Протухающее чучело - Горбачев.

Вспомните умершего Алеся Адамовича: Господи, как он мел хвостом перед Горбачевым, как он заливался медовопаточным визгом перед Ельциным, как он, подпрыгивая, прианцовывал на русских красно-коричневых костях демонстрантов, на костях инвалидов и старух, обманутых и оболганных сионистской прессой, захватившей русские

“точки” боли. Гурман.

Могли убить Есенина? Могли. Повесить великого поэта могли? Могли. А могли Есенина ритуально унижить, казнь русского гения? Могли. Но и заставить недремной травлей, вражьей клеветой, устрашительными судами, грядущими расстрельными приговорами, очевидной беззащитностью у себя, дома, заставить влезть в петлю - разве менее жестоко? Более ужасно. Ведь Сергей Есенин был весь впереди: тридцатилетний, сильный, собранный, умный, талантливый, красивый!

И - драка, если таковая случилась в номере гостиницы, не унесла жизнь поэта, и оскорбление, если оно ужалило поэта, не унесло судьбы гения, - Есенин перевидел, пережил, перешагнул не такие драки, не такие оскорбления: народ на его русских глазах истребляли, Россию, милую его сердцу, хоронили!

Наших пашен суровых житель

Не найдет, где прикрыть головы.

Мать Сергея Есенина, Татьяна Федоровна, Таня, молодая и свободолюбивая, боролась за свое счастье, за любовь и верность свою, а что ей досталось от счастья? Что ей досталось от красоты и свободы? Что ей досталось от верности и надежды? Сергей Есенин отлично знал, он наизусть выучил горе матери, ее девичество и ее замужество. Он повторил попытку матери - бросок, рывок окрыленного сердца за личной долей, за неумирающим голосом врачующего света. Читатель, не забыл?..

Хороша была Танюша, краше не было в селе,

Красной рюшкой по белу сарафан на подоле.

.....

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:

“Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой”.

.....

Не заутренние звоны, а вечерний переклик,

Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Ища покоя, желая уюта, веря в единственный образ женщины, кланяясь терпению и ласке ее, Есенин наткнулся, напоролся, ударился душою о лукавство, обман и разорение, измену и подвох. Трагедия личная и трагедия его страны спрессовались и окаменели в сердце поэта. Тяжесть невыносимая. “Верховые прячут лик...”. Стыдно. Убили кистенем грубости любовь, кастетом палачества убили нежность:

Не кукушки загрузили - плачет Танина родня,

На виске у Тани рана от лихого кистеня.

Алым венчиком кровинки запеклися на челе -

Хороша была Танюша, краше не было в селе.

Верховым стыдно. А нам, “сегодняшним верховым”, не стыдно за гибель патриотов - Владимира Бегуна и Юрия Иванова, Евгения Евсеева и Константина Осташвили-Смирнова, Игоря Талькова и Юрия Липатникова? Ненависти к нам, русским патриотам, у “бейтаровцев”, у предателей не убавилось: ненависть их к нам - тяга к истреблению нас.

* * *

Сергей Есенин, я думаю, запомнил рассказ матери о своей доле: как ей пришлось бежать за санями, увозящими Сашеньку по зимней ночной дороге, клятву ее запомнил -

крик о сынишке. Проклятие ее запомнил - проклятие участи материнской. Запомнил он и окровавленное лицо с распущенными волосами!

На раздробленной ноге приковыляла,

У норы свернулася в кольцо.

Тонкой прошвой кровь отмежевала

На снегу дремучее лицо.

Это - лисица? Раненная охотником? А корова, потерявшая теленка, "удачливей" раненой лисицы? Друг мой, читатель мой, давай-ка разберемся:

Думает грустную думу

О белоногом телке.

Не дали матери сына,

Первая радость не впрок.

И на колу под осиной

Шкуру трепал ветерок.

О телке ли? И Максим Горький прослезился, слушая Есенина, стихи его о собаке, -
хозяин щенят у нее отнял и потопил:

До вечера она их ласкала.

Причесывая языком,

И струился сиежок подталый

Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры

Обсиживают шесток,

Вышел хозяин хмурый,

Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,

Поспевая за ним бежать...

И так долго, долго дрожала

Воды незамерзшей гладь.

Татьяна Федоровна, мать поэта, Танюша-гармонистка, Таня - дочь поэта: случайно? Никогда не соглашусь. Путь матери и путь ее сына, Сергея Есенина, путь величайшего русского поэта, не отделился от материнского, а лег по великой русской равнине, равнине печали и трагедии, рядом, рядом лег, через кровь и клятву.

Не каждому дано дотерпеть до тех минут, когда тебя выведут или выволокут, или вынесут перед сытым судьей, палачом русского народа, убийцей твоей России, не каждому. Многие недотерпели, и еще недотерпят многие. Пора и об этом призадуматься нам, русским, на "пустяке" отчуждающимся от сестры и брата. Говорю, выстрадав, перед подлейшими наветами, не канув, говорю, как рыдаю:

Безумный пир, кошмарный сон,

А жизнь есть песня похорон...

Мы, русские, растеряли качества, давшие нам победу на Куликовом поле, над Берлином. Защищать Родину разучились, себя защищать и друга защищать разучились. Ждем нового Дмитрия Донского, нового Георгия Жукова? Но где Матросовы?

Посмотрите, что делает, как "утрамбовывает" нас, как над нами изголяется телеэкран! Картавым дикторшам и дикторам, мокрогубым комментаторам и комментаторшам, понукающим нас вечером, а утром, до света русского солнышка, сбегаящим в Америку или Израиль, можно и простить: чего ожидать хорошего от презирающих нас чужестранцев?

Можно и Толику, члену-корреспонденту Анатолию Алексину, простить. Он же под

руководством главного идеолога ЦК КПСС. Александра Николаевича Яковлева, десятилетиями не сползал с телеэкрана: воспитывал русских детишек, всхлипывал, как старый чешуйчатый змей на пляже, всхлипывал, а при подвернувшейся возможности ушмыгнул в Тель-Авив. Даже дряхлость не остановила его. А Дементьев Андрюша, он и “мордашечкой” - Толя и Толя Алексин! Генрих Боровик. Знаменитые “русские” москвичи. Каменевы, Ягоды, Бронштейны.

Послушай, да ведь это ж позор,

Чтоб мы этим поганым харям

Не смогли отомстить до сих пор?

Разве это когда прощается,

Чтоб с престола какая-то б...

А посмотрите, как Александр Николаевич Яковлев на восьмом десятке лет посвежел? Помните, он восклицал: “В себе власть изживите! В себе тоталитаризм ликвидируйте! Жажду званий и славы самим уметь остепенить надо!” Внушал, завораживал, а сел в кресло над телецентром. Кто попросил их - русский народ? Россия их попросила? “Остепенил” жажду Яковлев: уже - академик!..

Над изменой русскому народу, над растлением России, над издевательством на могилах

погибших защитников Отечества он, Яковлев, сидит в кресле, сидит в телебашне, надо-евший, набивший оскомину, поправший нас, поправший нашу русскую суть, нашу русскую беду, русский иноземец, инструктор ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, “остепененный” академик, посол в Канаде, начальник горбачевского милосердия, помощник Ельцина при защите Белого Дома, их “белого” дома... Простит им русский народ?

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!

Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека.

Художник Сварог, делавший с мертвого Есенина зарисовки, пишут, подумал: “На рубашке, на брюках слишком густо налипли ворсинки от ковра, раскинутого в номере гостиницы, сплошь налипли. А не закатали тело Сергея Есенина в ковер? А не попробовали через окно-форточку вынести и с балкона опустить в грузовик - удобно? Но не распахнулось на необходимую ширину окно, не просунули “сверток”, и пришлось убийцам вздеть поэта, уже мертвого, под потолком. Имитировать самоповешение?”

Да девчонке-курсистке, влюбленно следившей за этим самым окошком “Англетера”, показалось: “Свет погас и вдруг вспыхнул в номере, вспыхнул, и тени начали метаться, кувыркаться, и снова свет погас, и стало тихо, тихо”... Вроде и номер был ранее двойной, в две комнаты. Из есенинского номера шла дверь в другой, замурованная шкафом,

задвинутая. И не проник ли убийца через эту дверь?

Вечером, перед смертью поэта, Устинова чаевничала с ним в номере. Эрлих вечером покинул Есенина, хотя Есенин просил Эрлиха не покидать. Вечером, тем же, перед смертью Есенина, к нему стучался Клюев, но его не пустили. В номере гудели голоса. Но Устинова показала - лишь они пили чай и Есенин читал ей стихи, светлый, грустноватый. Вечером, этим же, после Устиновой, Эрлиха, Клюева у дверей пятого номера "Англетера" долго сидел молодой парень, Шилов, начинающий литератор. Тоже не пустили. А из номера вышли двое крепких казенных мужчин и поспешили по мрачному коридору. Шилов заподозрил их. А узнав о гибели Есенина, прикусил язык.

Лишь в 1941 году, уходя на фронт, преподаватель Шилов поведал своему ученику, как он явился 27 декабря 1925 года к Есенину в "Англетер" и как его не пустили. Ученик этот и оставил свидетельства их разговора. Сын Есенина и Изрядновой Юра, Георгий, казнен через месяц после расстрела Павла Васильева. Арестован по "Делу № 11245", делу Павла Васильева. Солдаты привезли его, мальчишку, с Дальнего Востока, в Бутырской тюрьме сунули в камеру, может быть, в ту, где до казни сидел Павел Васильев. И расстреляли.

Казненных в Бутырской тюрьме вывозили и хоронили на Ваганьковском кладбище, предполагает известный следователь, известный исследователь Эдуард Хлысталов, кладбище, близком к Бутырской тюрьме. Души их, отца и сына, встретились, успокоились - рядом лежат. Там же, предположительно, лежит во рву и Павел Васильев. От входа на кладбище вторая аллея и к стене налево зиял расстрельный ров до 1953 года, до казни Берии.

Сегодня, опираясь на те или иные воспоминания, фотографии, факты, отдельные литераторы готовы вскрыть могилу Сергея Есенина и подтвердить убийство Есенина, насильственную смерть поэта. Некоторые пишут: "На лбу Есенина видно пулевое отверстие, а не царапину, видно рану в надбровье и на переносице, видно взрез на руке, синяки на теле" и прочее.

Пишут: "Висок Сергея Есенина был проломлен тяжелым твердым предметом" и уточняют - утюгом. Даже пишут: "Не менее двадцати граммов мозгового вещества вытекло" Смакуют слова: "потеки", "позвонки", "кровь", "слизь", "опухоль", "желудок", те слова, какие никак не приклеить к невероятно красивому и нежному образу поэта. Пишут:

“Акты о смерти и вскрытии тела поэта составлены безграмотно и без гарантии на их неподдельность”...

* * *

Комиссии по расследованию причин гибели поэта, созданная Есенинским комитетом, заявляет: “Акт о смерти поэта, составленный Гробовым, выполнен на уровне того времени. Акт по вскрытию тела поэта, составленный Гиляровским, выполнен на уровне того времени. Акты выполнены грамотно, выполнены опытными специалистами!”

Акт Гиляровского даже восстановлен. Была часть текста порвана на мельчайшие кусочки, но завернута в пакетике и приложена к страницам документа в конверте. Чье-то зло дрогнуло.

Более того: комиссия доказала - провела “опыты”. Да, на трубе действительно “легко” повеситься. Были применены вес есенинский, рост есенинский, высота трубы, расстояние от пола до потолка, диаметр трубы, равные тем, смертоносным, по добрана веревка и надставлен конец ее из ремешка, аналогичного качеству “веревке-удушительницы”... Чем занимаемся?

Ничто поэта не могло остановить, помешать ему осуществить самоубийство, ничто - технически. Исследовали порез на левой руке - порез лезвием, да, но не опасный, “привычно-обычного свойства”, не грозящий здоровью. Установлено: послание Эрлиху написано Есениным, но написано поэтом в момент тяжелейшего стресса. И написано его кровью. Не занял же он крови у кого-то?

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Кроме актов - фотографии остались. А фотографии сейчас исследуются аппаратами, светом, химическими методами, особыми приборами. Уяснено комиссией: не рана на лбу поэта, а ожог, как зафиксировали акты. Обожгло горячей трубой верхний слой кожи на лбу, задело переносицу и надбровье. Ожог очень неровный и очень неглубокий. Не грозящий здоровью. Яблоки глаз целы. Нет вытека. Общая припухлость, отечность, пятна естественны - "сопровождение" подобной смерти.

Разрыв позвонков на шее - не редкость при повешении.

Акты не зафиксировали грубых повреждений на голове, на руках, ногах, груди, спине, теле поэта, но зафиксированные "деформации" и пятна подвергли строжайшему лабораторному изучению, проверке и анализу. Выводы комиссии ученые заверили своей совестью, гражданской ответственностью, подписались. Ну как же их грубо опровергать?

Ученые, специалисты не оспаривают вторжения в миг жизни, перед смертью поэта, каких-то темных сил: может, кто-то зашел и оскорбил, может, и ударил, но не так, что данная возникшая "схватка" и есть живая причина смерти, и есть палаческая акция, унесшая жизнь великого человека. Мучайтесь, русские!

Еще и еще говорю: фотографии и маски, да, да, маски, не доказывают - "убили", не доказывают. Если же, допустим, те, кто составлял акты, скрыли, не дали

сфотографировать, или фотографы тоже скрыли, не сфотографировали следы преступления на теле Есенина, но тогда мы всех и вся уличим? Тогда утюг - высший криминалист... Простимся с мифами.

Опасно и несправедливо к смерти Сергея Есенина приторачивать скопом имена Эрлиха, Бениславской, Устиновой, Дункан. Есенин не наивнее нас. Друзей - выбирал. Разве мы лучше и принципиальнее видим окружение его? Достаточно внимательного чтения разных воспоминаний о поэте, как понимаешь: одна и та же выпивка, один и тот же скандал трактуется разное и множится, будто их было несколько. Рюрик Ивнев говорил: "Сережа часто подмигнет мне да и выплеснет под стол рюмку!"

Но Есенин был разбит. Был оклеветан, затравлен. Был измучен бытом и стонами народа, гонимого, уничтожаемого войнами, ревтрибуналами, голодом и холодом. Есенин не сбежит. И Дункан его не уведет.

Из кого же состояла комиссия?

Председатель Есенинского комитета при Союзе писателей России - Прокушев Ю. Л.

Директор Научно-исследовательского института судебной медицины Минздрава РФ, член-корреспондент РМА, профессор- Громов А. П.

Главный судебно-медицинский эксперт Минздрава РФ, кандидат мед. наук, доцент - Плаксин В. О.

Сопредседатель Есенинского комитета, член Комиссии, проректор Литературного института имени А. М. Горького, поэт - Сорокин В; В.

Эксперты:

Зав. отделом внедрения новых технологий Бюро Главной судмедэкспертизы Минздрава РФ - Абрамов С. С.

Судебно-медицинский эксперт Бюро Главного управления здравоохранения Мособлисполкома - Дегтярев А. М.

Эксперт I категории Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного медуправления Мосгорисполкома - Демидов Н. В.

Старший прокурор управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры РФ, ст. советник юстиции - Дедов Н. Н.

Заведующий кафедрой судебной медицины Российского медицинского университета, доктор мед. наук, профессор - Крюков В. Н.

Доктор юридических наук, эксперт-криминалист Научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста РФ - Майлис Н. П.

Кандидат мед. наук, эксперт высшей категории, доцент кафедры судебной медицины Московской медицинской академии им. И. Н. Сеченова - Маслов А. В.

Судебно-медицинский эксперт высшей категории Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного мед. управления Мосгорисполкома - Никитин С. А.

Зав. лабораторной почерководческой экспертизы, кандидат юридических наук, эксперт-криминалист Научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста РФ - Соловьев В. Н.

Судебно-медицинский эксперт высшей категории - Хомякова Э. И.

Исследователи творчества Есенина:

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, член есенинской группы ИМЛИ им. Горького - Гусева Н. И.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, член Есенинского комитета и комиссии, член есенинской группы ИМЛИ - Кошечкин С.П.

Научный сотрудник, член есенинской группы ИМЛИ - Стахова М. И.

Читатель дорогой, терпеливый друг мой, дострадаем последние страницы нашего русского горя - кому же, как не нам, страдать?.. Гангнус-Евтушенко в Калифорнии. Коротич в Калифорнии. Сергей Хрущев, чадо Никиты, в Калифорнии. А не во Флориде?.. Кому страдать, кому? Горбачев-то долго ли в России проторчит? Толя же Алексин уехал. Андрюша Дементьев скучает.

* * *

Напуганные бандитскими расстрелами “без суда и следствия”, сгорбленные голодом и холодом люди, миллионами кидаемые в тюрьмы, войны, эпидемии, эмиграции - несчастные люди, русские люди. Это - простые, как мы их обозначаем, люди. А непростые? Ну что должен сказать о Есенине литератор в то время, что? Убили... Нас, русских поэтов, и сейчас убивают, и сейчас казнят. Но кто защитит? Пьяные палачи танцуют над нами...

Литератор забыл о “тройке”, о пуле, о лагере? Сергей Есенин погиб, а уничтожение безвинных продолжалось на полной скорости. Мертвецов, безвинно казненных, вывозили из зон в четыре стороны: до сих пор ищут не брата, так сестру, не отца, так деда - где их могилы? В синих миражах скифских, в белых сугробах русских.

И напрасно К. Азадовский в “Литературной газете” с легкостью “аранжирует” образ великого русского поэта чекистско-чванливыми терминами “больной”, “пропойца”, “нахал”, “алкоголик”, “хулиган”, напрасно. Азадовский - уста струсившего современника Есенина? Диссидентская циничная истина сегодня? Заскорузлая нереализованная ненависть к русским? Что? Славянин...

Надеюсь, у Азадовского немало знакомых и друзей из литераторов, и все - трезвенники? А пьяница Сергей Есенин, до тридцати лет дожив, оставил восемь томов. Да, восемь томов гениальных произведений. Когда же он пил? Можно ли согласиться с Азадовским: великий русский поэт не понимал, как ему надо было себя держать и чему учиться в обществе, а вот Азадовский понимает. Даже в подтексте эпитеты “выдающийся”, “великий” считает поспешными. Думать нам, русским, надо: Азадовский велит... Кто он?

Русский народ пьет не больше других народов, а русские поэты не шумнее нерусских поэтов. У каждого народа - собственные трагедии. Сергей Есенин ближе многих, тяжелее многих слышал “кровавую карусель” истребления русских: нес в сердце, а не “метался”, плакал, а не “скандалил”, в огонь шел защищать, а не “запивать” погибель родного народа. Что - Азадовский? И кто - Азадовский?

Негритянский поэт Маккай в США “подарил” Есенину тайну: мол, меня преследует черный человек - в зеркале, в стекле вагона, в луже воды, мое отражение черное, а душа моя белооблачная!.. У Есенина появилась поэма “Черный человек”. Кто отравил

“черной неприязню” Азадовского?.. Черный человек - хронический преследователь гения.

В чем же мы сегодня должны обвинить комиссию? В чем же мы сегодня должны обвинить ее председателя, Юрия Прокушева? Комиссия - зрелые люди, не литераторы, а классные специалисты, много сил и времени потратившие на выяснение трагической истины. Это люди честные, благоговеющие перед великим даром Сергея Есенина.

А Прокушев? Прокушев полвека с Есениным, полвека отдано им великому русскому поэту, как “не наказать” Прокушева? Ставят фамилии под обращением провести эксгумацию, могилу вскрыть, родные русские писатели, далекие от многолетних опытов и уяснении ученых, но “заведенные” стрессовыми взвизгами кудахтающей литкурицы. Она всхлопывает предпенсионными крыльями, а взорлить не в состоянии. Кудахчет и неопратно перья вырывает на наши умные головы.

С трибуны ринулась к столу. Хапнула папку с бумагами - заключение комиссии, огромный напряженный труд коллектива, и - бежать по залу, как по сараю, теряя пух и последние хрипы справедливости:

- Тут все ложь, тут все подтасовка!.. Я фильм монтировала, я ф-фильм! - Вертела туда-сюда шей, наметила порошние косяки и, едва не прищемив дверь куцый хвост, подвспорхнула, ковыляя: - Я фильм, я фильм, я фильм!..

Лишь бы ей фильм? Лишь бы ей - повыдрючиваться? Лишь бы ей поковыряться в комьях траурной глины ороговевшими лапками и навозным клювом? Фильм она смонтировала. Лишнего ребенка бы лучше воспитала. И я потянулся за ней, я же “завербовал” ее в комиссию.

- Не надо! - охладил меня мрачноватый дядя. - Она и сама не минует нас!

- Кто вы? - поинтересовался я.

- Врач психбольницы!.. Моя пациентка, моя, - определил он, тяжело вздыхая.

Ну, вскроем завтра могилу поэта. А там - нет гроба? Или: вскроем, а следа убийства нет? И - что? Что нам эта праховая настойчивость? И не пора ли образумиться? Есенин убит. Убит негодяями того времени. Злом убит. А коли он сам повесился, зло еще злее: довели. Не так ли? Какая ложь? Какая подтасовка? Кому выгодны "русские" склоки и взаимные обвинения? Опровергай, но без оскорблений.

Цитирую наследников и родственников поэта.

Татьяна Есенина, дочь:

"Хоть все и шито белыми нитками, об одном мне, наверное, надо сказать. Главным документом, подтверждающим, что произошло именно убийство, считается одна из фотографий Есенина в гробу. Этот снимок, сильно подпорченный ретушью, напечатан в книге Маквея. На лбу у покойного большое темное пятно, которое и воспринимают как след от удара, разможжившего череп.

Склоняясь над гробом вместе с матерью, я не видела следов ранения, лоб был чистый. Никогда не слышала, чтобы взрослые их видели. Авторы статей не сочли нужным задаться вопросом, как же могло получиться, что страшный след от раны, большое темное пятно, не было замечено ни родными, ни друзьями, ни многими сотнями людей в Москве и Ленинграде, видевших вблизи лицо покойного поэта".

Александр Есенин-Вольпин, сын:

"Знаю, что сейчас опять пишут о его смерти. Мне это не нравится. Он повесился, вот и все. Напекают, что в гибели были задействованы высшие эшелоны власти. Вряд ли. Сталин тогда боролся с Троцким, я думаю, меньше всего ему было дела до моего отца. Есть версия, что от удара по лбу на лице у него была огромная кровавая блямба. А по

еще одной, новейшей, у него глаз вытек, кошмар. И чтобы после этого через семь часов он лежал в гробу, и никто ничего не заметил? Нет, так могут написать только развязные журналисты. Всем сейчас сенсации нужны”.

Наталья Есенина, племянница:

“...я против эксгумации тела С. А. Есенина, так как он был православным христианином, а Русская православная церковь запрещает тревожить прах умерших. К тому же для моего дяди теперь это не имеет уже никакого значения”.

Светлана Есенина, племянница:

“Я отлично помню похороны бабушки, Т. Ф. Есениной, гроб которой оказался не над могилой сына, как мы ожидали, а рядом с неизвестными останками. В этом случае, если начнут извлекать гроб С. А. Есенина (а точное место его могилы теперь установить будет очень нелегко), придется тревожить останки не менее чем трех человек.

Мне непонятно желание кого бы то ни было ворошить святыне для каждого русского человека могилы”. Не будем тревожить мать...

В августе 1991 года молодые полковники и генералы, с поражением и позором “вызволненные” из Афганистана, бросились арестовывать ранее обожаемых ими министров, маршалов и секретарей ЦК КПСС, ретиво помогая Горбачеву и Ельцину победить и развалить великую державу - СССР. А в октябре 1993 года некоторых спохватившихся “победителей” президент России ритуально расстрелял в Доме Советов из пушек и ракет. Кровавая карусель.

Я, русский человек, потрясенный гибелью своей могучей Родины, обязан продолжать целовать цоколи памятников Сталину и Брежневу, Ленину и Марксу? Продолжать царя числить дураком или ангелом, а Иисуса Христа - “опиумом для народа”? Очнитесь, русские люди, впереди - бездна! До катастрофы сказал Есенин:

Пустая забава!

Одни разговоры?

Ну что же?

Ну что же нам дали взамен?

Пришли те же жулики, те же воры

И вместе с революцией

Всех взяли в плен.

Нам ли на могиле русской любви, на пепле русской беды, раздорить? Покаяться надо и простить взаимные подозрения.

Листья, октябрьские листья на Красной Пресне летят с деревьев, саблегнутые, красные, кажется - лезвия, выхваченные из живого, теплого существа. Кого порубили? Кто погиб? А в беломраморном Доме Советов пляшет красный дьявол.

Спелый колос ржи - не прекрасен ли? А золотой сноп пшеницы - чьи очи не ослепит красотой? Но цветущий куст сирени - не еще ли красивее? Ум и красота взаимопроникаемы. А стать и красота неразделимы по глубочайшему замыслу природы. Совесть и красота Богом запланированы и Богом посланы в грубый человеческий мир смягчать и облагораживать безобразные черты нашего быта, ревниво искаженного неравенствами.

Но Есенин - ржаной колос. Сноп золотой - Есенин. И если осыпается куст сиреневый - под ним трава зеленая розовыми искрами горит. Как эту красу небесную, эту краткую сказку неземную, злему битюгу в сердце вобрать? Как эту мгновенную музыку Вселенной злему уроду слезами оторопи и счастья приветствовать?..

И пишут душевные горбуны - Сергей Есенин горбун. И пишут захмелевшие шакалы - Сергей Есенин алкоголик. И пишут развратники - Сергей Есенин бисексуален, испорчен постелями. Но разве красота и талант Есенина не звездное мерцание во мраке идей, войн и крови? Разве лебединый порыв есенинского слова не крылатая истина разумной боли по вечному и святому? Пройдоха и циник, не швыряй похотливую грязь в огненную любовь народную, в материнский лик Родины русской, не швыряй!

Еврейские стихоплевы и русские хриstopродавцы, литературные портные и рыночные карманники не прочь "подретушировать" грустный портрет Сергея Есенина к собственной заблатненной диссидентской "моське". Недаром же Никита Сергеевич Хрущев, Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета министров СССР, жестко рубанул сию "культурно-спекулятивную" банду: "Я знаю, все вы пидарасы!.." Правильно - все они "пидарасы", все!..

Да! есть горькая правда земли,

Подсмотрел я ребяческим оком:

Лижут в очередь кобели

Истекающую суку соком.

Газеты, по-сионистски кусающие нас, телеэкран, гавкающий на Россию, радио, воющее над нами - сука, истекающая соком!

Русский народ, Россия - в колючей проволоке враждебной прессы, в кольце блокады.

И чудится мне: в окнах, проломленных железными снарядами, не кровавый куст взрыва, а золотая голова Сергея Есенина. Плачет она, плачет и в русский пожар трепетной ивой осыпается!..

Двадцать пять миллионов русских - за ближними рубежами. Двадцать пять миллионов русских - за дальними рубежами. Поровну рассекли и разломали нас... Но возмездие грядет. Из глубины рудной грядет. Из крови русской грядет. С Куликова поля грядет.

Марксистские клятвопреступники золотом и алмазами сташнивают - переели. Бомбами расшвырялись и белоснежное чело Кавказа братской кровью обрызгали. Кто следующий?..

А мы русскую рану подозрениями берем. Не стыдно? К есенинской могиле с разных краев тропы бегут, и разные, но крест над могилой один: православный крест. Крест поэта!..

...Месяц умер,

Синеет в окошко рассвет.

Ах ты, ночь!

Что ты, ночь, наковеркала?

Я в цилиндре стою.

Никого со мной нет.

Я один...

И разбитое зеркало...

Все мы, отслеженные Черным человеком, - перед разбитым зеркалом... Ночь над нами.
Ночь - долгая и тяжелая. Тяжелее монгольской плети, корыстнее несправедной казни.

1994